

*Моим сестрам — тем, что идут рядом,
и тем, что ушли вперед.*

Эх, Франческа!
Не предупредила
И тихо на цыпочках
Утром ты уходила.
Спасибо за солнечный свет,
За то, что со мною была,
За то, что тебя со мной нет,
За то, что свободной ушла.

Рой Харпер
«Франческа»

Странная штука быть ребенком, которого не любят.
Ты несчастен, но и свободен.

Юхан Люкке Хольм.
«Ночь, предшествовавшая дню».

ПРОЛОГ

Позади часовни стояла компания парней. Я пришла со стороны озера, и никто из них не заметил меня, пока я не приблизилась к ним вплотную. В слабом свете, падавшем из освещенной церкви, их лица на фоне черных фраков казались бледными, как у привидений. Те самые ублюдки, и у всех как на подбор королевские имена: Эрик, Густав, Оскар, Магнус, да еще Хенрик Шернберг, самодовольный бойфренд моей сестры.

Первым меня заметил Хенрик. Должно быть, я напугала его — по крайней мере, вид у него был испуганный, когда он спросил, какого черта мне тут нужно. Некоторое время я стояла, уставившись на него, а потом расхохоталась.

— Чего ты ржешь? — спросил он. — Что с тобой не так, черт подери?

Я не ответила, потому что не знала — ни чему я смеюсь, ни что со мной не так.

— Иди потанцуй, дурочка, — сказал Эрик. — Покружись в вальсе и все такое.

— Мой кавалер исчез, — ответила я.

Стоило мне произнести эти слова, как настроение у меня сразу переменилось — я почувствовала, как подступили слезы. Поль уже давно куда-то подевался, а оставаться на осеннем балу без него я не видела никакого смысла. Он пообещал мне станцевать со мной первый и последний танец, и оркестр в спортивном зале вот-вот заиграет финальную мелодию. Мо-

жет быть, уже заиграл. Не знаю, почему меня все это так расстроило — я особо не переживаю по поводу того, с кем мне танцевать и по поводу танцев вообще, но тут все дело в Поле.

— Посмотри у него в комнате, — посоветовал Эрик. — Он, наверное, перебрал.

Я ответила, что его там нет.

— Но здесь его тоже точно нет, — буркнул Хенрик. — Так что поищи в другом месте.

Однако я так и осталась стоять, поскольку не могла придумать, где еще искать. У озера и у Плакучей Ивы я уже побывала, и в Тальбуддене было пусто. Эта скамейка у семейных склепов оставалась моей последней надеждой.

— Что с тобой? — спросил Хенрик, когда я покачнулась.

— Голова... закружилась, — пробормотала я и протянула руку, чтобы опереться о могильный камень. Но я неверно оценила расстояние и рухнула. Уже лежа на земле, я заметила розу — под цвет моего платья, которую Поль вставил в нагрудный карман своего фрака.

— Поль был здесь, — заявила я, показывая парням желтую розу.

— Ты о чем? — спросил Хенрик. — Да не видели мы твоего бойфренда!

Примерно с этого момента наши версии произошедшего расходятся.

Чарли попыталась найти удобное положение в кресле с откинутой спинкой. Слева наискосок от нее сидела Эва — психолог.

Эва только что озвучила правила их беседы. Важно соблюдать время начала и конца сессии, важно открыто говорить, если что-то не нравится, важно помнить, что все сказанное, разумеется, останется в этих стенах.

Эва говорила дружелюбным тоном, однако по ее взгляду легко было догадаться, что она может проявить и строгость, если это потребуется. Чарли заранее погуглила и знала, что Эва — член союза психологов и имеет за плечами пятнадцатилетний профессиональный опыт. Первое требование, которое выдвинула Чарли, когда Чалле заставил ее пройти курс психотерапии, — чтобы ей дали человека образованного, а не самодовольного болвана, прошедшего восьминедельный курс личностного роста. Тратить время на того, кто будет говорить банальности или травить байки из собственной жизни, она не собиралась. С огромным удовольствием она вообще не пошла бы ни на какую терапию, поэтому под любым предлогом откладывала первую встречу. Чарли всеми силами пыталась показать Чалле, что с ней все в порядке, что она держит ситуацию под контролем и в состоянии справляться с работой, однако после событий прошедшего лета начальник ей не доверял.

И вот теперь она сидела в этом странном кресле в приемной Эвы. За окнами пестрели на гигантском дубе желтые

и оранжевые листья, дождь узкими полосками струился по стеклам.

— Расскажи, Чарлин, — начала Эва, — что заставило тебя прийти сюда?

— Можешь называть меня Чарли.

— Что заставило тебя прийти сюда, Чарли?

— Это все из-за моего начальника. Он выставил ультиматум. Считает, что мне нужна помощь.

— Вот как... — Эва бросила на нее внимательный взгляд, и Чарли подумала, что собеседница мысленно делает отметку «неадекватная самооценка». — А ты с этим согласна?

— Что мне нужна помощь?

— Да.

— Ну, наверное, нужна, но я здесь только потому, что хочу сохранить работу, а сама вряд ли бы пришла.

— Не могла бы ты рассказать о себе в общих чертах? Я знаю, кем ты работаешь, но мало что сверх того.

— А что еще тебе важно узнать? — спросила Чарли.

Эва улыбнулась и ответила, что человек — это гораздо больше, чем его работа. Может быть, она опишет, кто она такая — в более широком смысле.

— Само собой, — ответила Чарли. — Я люблю...

Она запнулась. А что она, собственно говоря, любит? Читать, пить, быть одной. Сейчас ей не приходило в голову ничего более оптимистичного.

— Я люблю читать...

Видя, что Эва ожидает продолжения, она хотела добавить, что любит тренироваться, но с какой стати врать?

— Раньше тебе доводилось обращаться к психиатру? — спросила Эва после паузы.

— Да, несколько сеансов во взрослом возрасте и длительный период психотерапии в подростковые годы. Моя мама умерла, когда мне было четырнадцать лет.

— Тяжело терять родителей в таком возрасте.

Чарли кивнула.

— А твой отец?

— Неизвестен.

— Понимаю. Какие у тебя были отношения с мамой?

— Очень... — Чарли снова запнулась, не зная, что сказать. Сложные? Запутанные? — Мама была человеком необычным.

— В каком смысле?

— Она была не такая, как другие мамы. Можно сказать, я прилагаю большие усилия, чтобы не стать такой, как она.

— Это естественно, — проговорила Эва, — когда не хочешь повторять ошибки родителей. Но, когда ты стараешься не походить на свою маму, ты все равно ведешь отсчет от нее. Пожалуй, только когда начнешь действовать независимо от того, какой она была, почувствуешь себя полностью свободной.

— Разумеется.

— К этому мы еще вернемся. Но сначала мне хотелось бы, чтобы ты рассказала, почему твой начальник поставил такой ультиматум — обязал тебя пройти курс психотерапии.

В голове у Чарли зазвучал голос Бетти. Те слова, которые та часто повторяла, когда была не в духе: *«Кажется, подводное течение тянет меня вниз. Если я замру и задумаюсь, меня утянет на дно. Лучше не думать, не говорить. От этого все станет еще хуже».*

— Наверное, это связано с алкоголем, — ответила Чарли. — Случается, что я пью больше, чем надо. А сижу я здесь потому, что раньше умела как-то контролировать ситуацию и пила только в те дни, когда я выходная, даже накануне выхода на работу воздерживалась — по крайней мере, не в таких количествах. Но в последнее время бывает, что я пропускаю пару бокалов, хотя мне на следующий день на работу, так что, наверное, от меня пахло спиртным. А у Чалле — моего начальника — потрясающий нюх.

— Вероятно, в этом смысле тебе повезло, — проговорила Эва. — Я хотела сказать — из-за этого ты получила помощь вовремя.

— Откуда ты знаешь, что вовремя? — не удержалась Чарли.

— Ты осознаешь свои проблемы и открыто говоришь о них. Это неплохое начало.

— Я давно все понимаю, однако ничего не могу с этим поделать, так что не знаю, настолько ли все оптимистично.

— Мне показалось, ты только что сказала, что раньше тебе удавалось контролировать ситуацию.

— У меня и раньше бывали срывы, — сказала Чарли.

— Но, так или иначе, сейчас ты здесь.

— Да, теперь я здесь.

За этим последовало несколько минут поверхностной болтовни. Потом снова повисла тишина. Чарли принялась разглядывать картины за спиной у Эвы. В рамках висели... картинки к тесту Роршаха, как она теперь поняла. Она попыталась увидеть, что изображают фигуры, чтобы понять состояние своего психического здоровья, но ее прервала Эва, желавшая узнать о ее непосредственных задачах на работе.

Чарли рассказала о своей работе следователя в Национальном оперативном отделе, как она и ее коллеги подключались к расследованию особо тяжких преступлений по всей стране, чтобы помочь местной полиции.

— А как в целом выглядит твоя жизненная ситуация? — спросила Эва.

— Я одна, детей нет, — ответила Чарли.

— Если мы вернемся к употреблению алкоголя, — проговорила Эва, никак не прокомментировав ее семейное положение, — как долго это было проблемой?

— Не знаю точно. Смотря кого спросить.

— Я спрашиваю тебя.

— С тех пор, как я начала пить, мне это очень нравилось, и я всегда пила больше, чем окружающие. Я никогда не понимала, как можно выпить один бокал и на этом остановиться. Но я не считаю себя алкоголичкой на том основании, что пью больше других. Можно сказать, что это со мной случается периодически, но после приходят и более спокойные периоды.

— А период, который привел к этой встрече, — когда он начался?

— Точно не помню, но несколько месяцев назад мне пришлось поехать в Гюльспонг — места моего детства. Это маленький городок в Вестергётланде, — добавила она, заметив,

что название явно ничего Эве не говорит. — Я жила там до того, как умерла мама. После ее смерти я переехала в Стокгольм.

— У тебя там были родственники?

— Нет, меня поместили в приемную семью.

— Ну и как?

Чарли не знала, что ответить. Чем интересна жизнь в маленьком домике в Худдинге, о чем стоило здесь рассказать? Перед глазами у нее встал сад, аккуратно подметенная дорожка, клумбы, где все росло ровными рядами, и маленькая яблоня, никогда не приносявшая плодов. Вспомнилась первая встреча с приемными родителями Бенгтом и Леной и их дочь Лизой, которые сухо приняли ее в своем стерильно чистом доме. Внешне семья казалась именно такой, о какой она мечтала, когда Бетти в очередной раз слетала с катушек: спокойные, правильные люди, ложившиеся спать в определенное время, все вместе садившиеся за ужин, мама, которая складывала в пакет форму для физкультуры и готовила простую еду, не впадая в истерику. Лена никогда не валялась на диване, умоляя убрать весь свет и звуки. Никогда не устраивала вечеринок с приглашением совершенно незнакомых людей. Чарли вспомнила свою комнату в маленьком домике, чистое постельное белье, запах мыла и роз. «Чувствуй себя как дома, — сказала ей Лена в первый вечер. — От души надеюсь, что тебе действительно будет здесь хорошо, Чарлин, и что вы с Лизой подружитесь, словно сестры».

Но в доме в Худдинге Чарли никогда не чувствовала себя как дома, и они с Лизой так никогда и не стали сестрами.

Эва кашлянула.

— В приемной семье все было нормально, — ответила Чарли. — Там во всем был порядок, я могла сосредоточиться на учебе.

— Хорошо, — кивнула Эва. — Но давай вернемся к тому, с чего начался этот твой период. В начале лета ты поехала в Гюльспонг. Почему?

— По работе. Пропала девушка — Аннабель Роос. Ты наверняка читала об этом случае в газетах.

— Да, что-то слышала.

— Мы отправились туда, чтобы помочь местной полиции, и оказалось, что возвращаться туда тяжело — куда тяжелее, чем я ожидала.

— В каком смысле?

— Во мне пробудилось множество воспоминаний, и я...

Чарли увидела перед собой хрупкое тело Аннабель, которое поднимают из черной воды Гюльспонгсэльвен, увидела Маттиаса, бойфренда Бетти, исчезающего в этой воде двумя десятилетиями ранее, увидела двух девочек, ведущих плачущего мальчика — давным-давно, в те времена, когда сама она еще не родилась на свет.

— И ты — что? — спросила Эва, подаваясь вперед на стуле.

— Можно сказать, что я восприняла это все немного слишком близко к сердцу. А потом совершила ошибку, меня отстранили от следствия, и это тоже, конечно, сказалось на мне. Когда вернулась в Стокгольм, я рассчитывала, что все станет как прежде, но так не получилось. Напротив, все стало еще хуже.

— Что стало хуже?

— Страх, тоска, чувство бессмысленности, бессонница. Я плохо сплю, а когда засыпаю, мне снятся неприятные сны.

— Опиши их.

— Сны?

— Да.

— Все это началось, когда я вернулась домой из Гюльспонга, потом стало немного поспокойнее, но сейчас я расследую дело, которое задевает меня больше, чем мне бы того хотелось.

Эва спросила, что это за дело, и Чарли рассказала про двух молодых женщин из Эстонии, которых нашли убитыми и брошенными в лесочке в пригороде. У одной из них была трехлетняя дочь — голодное и несчастное существо, просидевшее в одиночестве в запертой квартире не меньше двух суток. Девочка до сих пор не проронила ни слова, хотя прошло уже две недели с тех пор, как ее нашли.

Эва сказала, что ничего странного, что такое задевает за живое — судьба брошенного маленького ребенка у большинства людей вызвала бы сильные чувства. Но ведь девочка жива?

— Она жива, — кивнула Чарли. — Но не более того. Сегодня ночью мне снилось, что это мой ребенок, что я ее мама. Я хотела побежать домой и спасти ее, но у меня не получилось, потому что я была мертва. А потом, в следующем сне, я сама была этой девочкой, и... в общем, понимаешь.

— Ты принимаешь лекарства? — спросила Эва, никак не комментируя сны.

— Сертралин, — ответила Чарли. — Сто миллиграмм.

Она не стала уточнять, что иногда добавляет к нему собрил или снотворное, а иногда и то, и другое.

— Больше ничего? — спросила Эва.

Чарли покачала головой.

— Ты, наверное, знаешь, что кошмарные сны — обычное побочное действие при приеме сертралина?

Чарли кивнула. Все это она прекрасно знала, но сертралин она и до того принимала годами — так что, видимо, дело не в нем.

Эва сложила руки на коленях.

— Та ошибка, о которой ты говорила, — продолжала она. — Я хотела бы, чтобы мы остановились на ней поподробнее.

Некоторое время Чарли вспоминала тот вечер и ночь в пабе. Водку с лакрицей, вино, пиво, Юхана. Вернувшись в Стокгольм, она по глупости начала копаться в его жизни. Для того, чтобы идти дальше, надо мысленно сложить все в большой мешок и вынести на помойку, ей это прекрасно известно, однако вместо этого она начала проверять все, что обнаружила. Все началось с того, что она пожелала знать, где он живет, убедилась, что он холост, что он действительно сын бойфренда Бетти. Похоже, все сходилось.

— Чарли! — Эва посмотрела на нее.

— Прости, что ты сказала?

— Я попросила тебя рассказать о той ошибке, о которой ты упомянула.